

В саду изредка веяло прохладой. Цветы, чьи формы поражали разнообразием — одни горделиво расправляли лепестки, другие кокетливо клонились к земле, — издали напоминали искусную живописную картину.

Кто-то предложил:

— Просто любоваться цветами скучно. Почему бы нам не сочинить стихи экспромтом? Посмотрим, кто окажется искуснее.

Предложение встретили всеобщим одобрением. Никто из собравшихся не пришел сюда лишь ради созерцания природы — каждый жаждал случая блеснуть своими талантами.

— Господа, позвольте мне начать, — инициатор вскочил на большой камень, погладил несуществующую бороду и продекламировал: — Вешний свет безбрежен, цветы словно море, улыбка прекрасна, а лик мой в алом уборе!

— Прекрасные строки! Изумительно!

Следом тут же отозвался другой:

— Господа, послушайте мой вариант: красотой затмила древность и наши дни, лотос краснеет пред ликом её, словно яшма. Взгляд её полон нежности, а там, где цветы расцвели, — лишь радость и свет.

Он кокетливо повел глазом, и в каждом его движении сквозило притворное обожание.

Кто-то рассмеялся:

— Молодой господин Хань, вы сейчас о цветах говорите или всё же о прекрасной даме?

— Как вам будет угодно, — с улыбкой ответил господин Хань. — Если вы видите в моих словах цветы, значит, речь о них. И наоборот.

Ци Мумянь, до этого момента молча стоявший в стороне, поморщился. Подперев подбородок рукой, он спросил:

— Цинь Жун, ты понял, что он сейчас наплел?

— Нет, — Цинь Жун фыркнул и, не чувствуя ни капли стыда, парировал: — С чего бы мне вообще понимать эту чепуху?

Ци Мумянь смерил его пренебрежительным взглядом:

— И этого не понимаешь?

— А ты, выходит, понял?

Ци Мумянь гордо кивнул:

— Он сказал, что лотос красив. Разве не очевидно? Тебе стоит нанять учителя, чтобы хоть немного подтянуть грамотность, иначе ни одна девушка на тебя даже не взглянет.

— Ты уверен? — Цинь Жун с сомнением посмотрел на сияющего господина Хань и заподозрил, что Ци Мумянь просто вешает ему лапшу на уши.

Ци Мумянь вздохнул и похлопал друга по плечу:

— Я понимаю, тебе трудно признать, что ты уступаешь мне в уме, но такова правда. Господин Цинь, посмотри правде в глаза.

Неважно, понимал ли Ци Мумянь смысл стихотворения на самом деле, но в этот миг Цинь Жуну страстно захотелось повалить его на землю и как следует проучить.

Он приподнял бровь:

— Ци Мумянь, когда ты успел стать таким бесстыдным?

— ... — Ци Мумянь решил проигнорировать этот выпад.

Цинь Жун хотел было добавить что-то еще, но вдруг послышался звонкий девичий смех. Взглянув в ту сторону, он увидел, как из-за каменного моста к ним приближается группа девушек в ярких нарядах.

Молодые люди, занятые поэзией, тут же притихли и замерли в предвкушении. Впереди шла Великая принцесса, опираясь на руку Четвертой принцессы, а следом за ними семенили дочери знатных семейств.

Когда они подошли ближе, все присутствующие склонились в поклоне:

— Приветствуем Великую принцессу, приветствуем Четвертую принцессу.

— Оставьте формальности, — Великая принцесса окинула собравшихся взглядом. — Слуги доложили, что вы здесь соревнуетесь в поэзии. Девушки тоже пожелали испытать свои силы. Я с удовольствием побуду для вас доброй вестью и посмотрю на ваши таланты.

Юноши, которые только и мечтали произвести впечатление на дам, внутри ликовали, хотя внешне старались сохранить невозмутимость. Четвертая принцесса бегло осмотрела толпу, встретилась взглядом с Ци Мумянем и тут же застенчиво опустила голову.

В этот момент господин Хань выступил вперед, отвесил глубокий поклон и произнес:

— Ваше Высочество, не все захотят участвовать в состязании просто так. Может, добавьте награду?

Великая принцесса кивнула, соглашаясь:

— Разумные слова. Как раз недавно мне подарили пион из Лояна. Четвертая принцесса просила его у меня, но я не решалась отдать. Тот, кто станет победителем, получит этот цветок.

Намек был более чем прозрачен: Четвертая принцесса желала получить этот пион, и тот, кто преподнесет его ей, станет её избранником.

— Для нас честь, что Ваше Высочество готовы расстаться с такой ценностью, — господин Хань улыбнулся, но тут же добавил: — Однако без наказания за проигрыш будет неинтересно. Предлагаю игру в фэйхуалин: кто не может ответить — исполняет номер. Что скажете?

Великая принцесса, имевшая те же мысли, ответила:

— Пусть будет по-вашему, господин Хань.

Услышав это, Ци Мумянь изменился в лице:

— Этот парень специально нас подставляет?

Цинь Жун процедил сквозь зубы:

— Надеюсь, ночью он не будет выходить из дома.

Если и были на свете люди, которые боялись поэзии больше всего, то Ци Мумянь и Цинь Жун делили первое место. Для них, двух неотёсанных вояк, сочинение стихов было сродни пытке — уж лучше бы сразу заставили выступать перед публикой. Но выбора не было.

Великая принцесса велела слугам расставить столы по кругу. Она заняла главное место и произнесла:

— Рассаживайтесь как удобно, сегодня обойдемся без лишних церемоний.

Несмотря на её слова, никто не осмелился нарушить этикет. Каждый занял место согласно своему положению. Ци Мумянь, прекрасно осознавая свои таланты, выбрал самый дальний угол, а Цинь Жун поспешил сесть рядом с ним слева.

В этот момент к ним подошла девушка в зеленом платье. Ци Мумянь узнал её — это была дочь редактора Ханьлиньюань. Он помнил её лишь потому, что её отец, стоявший рядом с ним на

утренних аудиенциях, постоянно о ней упоминал, а позже они однажды случайно столкнулись.

Девушка выглядела расстроенной и едва заметно улыбалась. Ци Мумянь толкнул локтем Цинь Жуну и прошептал:

— Смотри, не нам одним не нравится эта поэзия.

Цинь Жун проследил за его взглядом: в глазах девушки читались зависть и раздражение. Он усмехнулся:

— Ци Мумянь, а у тебя зоркий глаз.

Заметив, что на неё смотрят Ци Мумянь и Цинь Жун, девушка удивилась, но тут же вежливо поклонилась. Под длинными ресницами она прятала радость: в следующем месяце ей исполнялось пятнадцать, и этот праздник был отличным поводом найти достойного мужа. Она уже приготовилась было к худшему, оказавшись в самом конце ряда, но, увидев двух прославленных генералов, приободрилась. Любой из них стал бы для неё блестящей партией.

Цинь Жун махнул рукой:

— Не стоит церемоний, присаживайтесь.

Девушка, зардевшись, уже собиралась сесть, как вдруг чья-то тонкая, белая, словно нефрит, рука легла на спинку стула. Раздался голос, чистый, как звон яшмовых бус о камень:

— Сударыня, позвольте мне занять это место?

Канцлер Цзи Сичжао посмотрел на Ци Мумяня и едва заметно улыбнулся:

— Мне нужно обсудить кое-что с молодым генералом Ци. Не могли бы вы пересесть вперед?

Девушка и так мечтала сесть поближе, а уж когда к ней обратился сам канцлер, она и подавно не посмела отказать. Смущенно кивнув, она поспешно удалилась.

Ци Мумянь смотрел, как Цзи Сичжао парой слов прогнал девушку, и мысленно прорычал: «Неотвязный призрак». Вслух же он буркнул, не скрывая неприязни:

— Что тебе нужно?

Цзи Сичжао сел рядом, бросил на него взгляд и ответил:

— Я же сказал: есть разговор.